

ББК

Археология, этнография и музейное дело. Сборник научных трудов кафедры археологии Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 1999 г.

Сборник посвящен основным научным направлениям, сложившимся на кафедре археологии за 20 лет. Он содержит статьи по проблемам преподавания археологии в высшей школе; по проблемам археологии эпохи бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к раннему железу, хронологии и семантике древнего и средневекового искусства, погребального обряда. В статьях рассматриваются вопросы общей археологии эпохи раннего средневековья и металлургии железа Западной Сибири, материальной и духовной культуры современных народов Сибири, проблемы организации музеев.

Сборник рассчитан на специалистов в области гуманитарных наук, музейных работников и краеведов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей.

Сборник издан при финансовой поддержке Кемеровского регионального общественного гуманитарного фонда.

Ответственный редактор: доктор истор. наук, профессор В.В. Бобров

Рецензенты: д-р истор. наук А.В. Циркин, Кемеровский институт культуры и искусств,
канд. истор. наук В.Н. Добжанский, Кемеровский госуниверситет

Подписано к печати 5.10.99. Формат 84x108^{1/16}. Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Тираж 250 экз. Заказ № 645 Отпечатано в типографии «Никалс»
Лицензия ПДЛ №44-49. г. Кемерово, ул. Н. Островского, 16, 103, тел. 36-88-41

© Кемеровский госуниверситет

ДРЕВНЕТЮРКСКОЕ ИЗВАЯНИЕ С ПТИЦЕЙ ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Птица редко изображалась на изваяниях средневековых кочевников евразийских степей. Немногочисленные каменные фигуры с птицей (всего 11 экз.) обнаружены в Семиречье (Шер, 1966, табл. XXIII, 105, 106, 107, 109; Чариков, 1989, рис 1-1; Байбосынов, 1996, с.70(37), с.111 (76, б, д), Центральном (Шер, 1966, табл. XXIII, 108), Восточном Казахстане (Ермоленко, 1992, с.94-95), а также на Горном Алтае (Модоров, 1972, с.47). Лишь в двух случаях изваяния найдены *in situ*. Комплекс древнетюркских оградок с двумя изваяниями, одно из которых с птицей, был раскопан автором в Жарминском р-не Семипалатинской (ныне Восточноказахстанской) области в 1985 г.

Оградки с изваяниями располагались в 700 м к ЮЮВ от оз. Караколь у подножия сопок. В 120 м к ВСВ от комплекса находится слабозадернованный каменный курган диаметром 11,5 м, высотой 0,2 м.

Три малые несмежные оградки были сооружены по линии С-Ю. С восточной стороны южной и средней оградок стояло по изваянию (соответственно, изваяние 1 и 2). Оградки, кроме полностью разрушенной южной, были исследованы раскопом площадью около 25 м² (рис. 1).

Стенки оградок образованы врытыми на ребро гранитными плитами толщиной от 0,5 до 0,14 м, высотой 0,5-0,7 м. Целиком сохранившиеся восточные стенки южной и средней оградок, а также северные стенки северной и средней оградок состояли из одной плиты каждая. Плиты в двух стенках северной и средней оградок отсутствовали. В других стенках, первоначально составленных из нескольких плит, осталось по одной короткой плите. Размеры оградок, за исключением северной, восстанавливаются приблизительно: 1,6 x 2,0 м (южная), 2,1 x 2,2 м (средняя), 1,9 x 1,9 м (северная).

В заполнении оградок использованы колотые гранитные камни различных размеров (от 10 x 5 x 5 см до 50 x 25 x 15 см). Заполнение южной оградки было уничтожено грабительской раскопкой. Выброс, содержащий золу, локализовался за пределами оградки, главным образом, с востока, но также с юга и запада. Разрушено и заполнение средней оградки; оно сохранилось лишь на пристенных участках. Выкинутые камни лежали снаружи возле восточной и западной стенок. Каменное заполнение северной оградки пострадало меньше всего, хотя и было нарушено посередине.

При зачистке околооградного пространства после удаления разбросанных камней, возле изваяний найдены кости животных: в 0,1 м к ЮЗ от изваяния 1 – фрагменты бараньей лопатки (гл. +5), в 0,3 м к северу от изваяния 2 – зубы лошади (гл. 0).

В средней оградке оказалась большая продолговатая яма (1,6 x 1,05 x 0,6 м), ориентированная длинной осью З-В. В ее перемешанном желто-сером заполнении встречались зола и некрупные камни. Яма в данном виде могла быть оставлена грабителями, перекопавшими участок, на котором находилась действительная яма. В середине северной оградки тоже была выявлена яма, длинная и узкая форма которой (1,05 x 0,4 x 0,5 м), возможно, свидетельствует о вмешательстве грабителей. Яма вытянута в меридиональном направлении. В ее желто-сером заполнении найден кусочек гнилой древесины, который мог происходить из первоначальной ямы, предположительно, располагавшейся в центре оградки. В этой же оградке, возле южной стенки, на

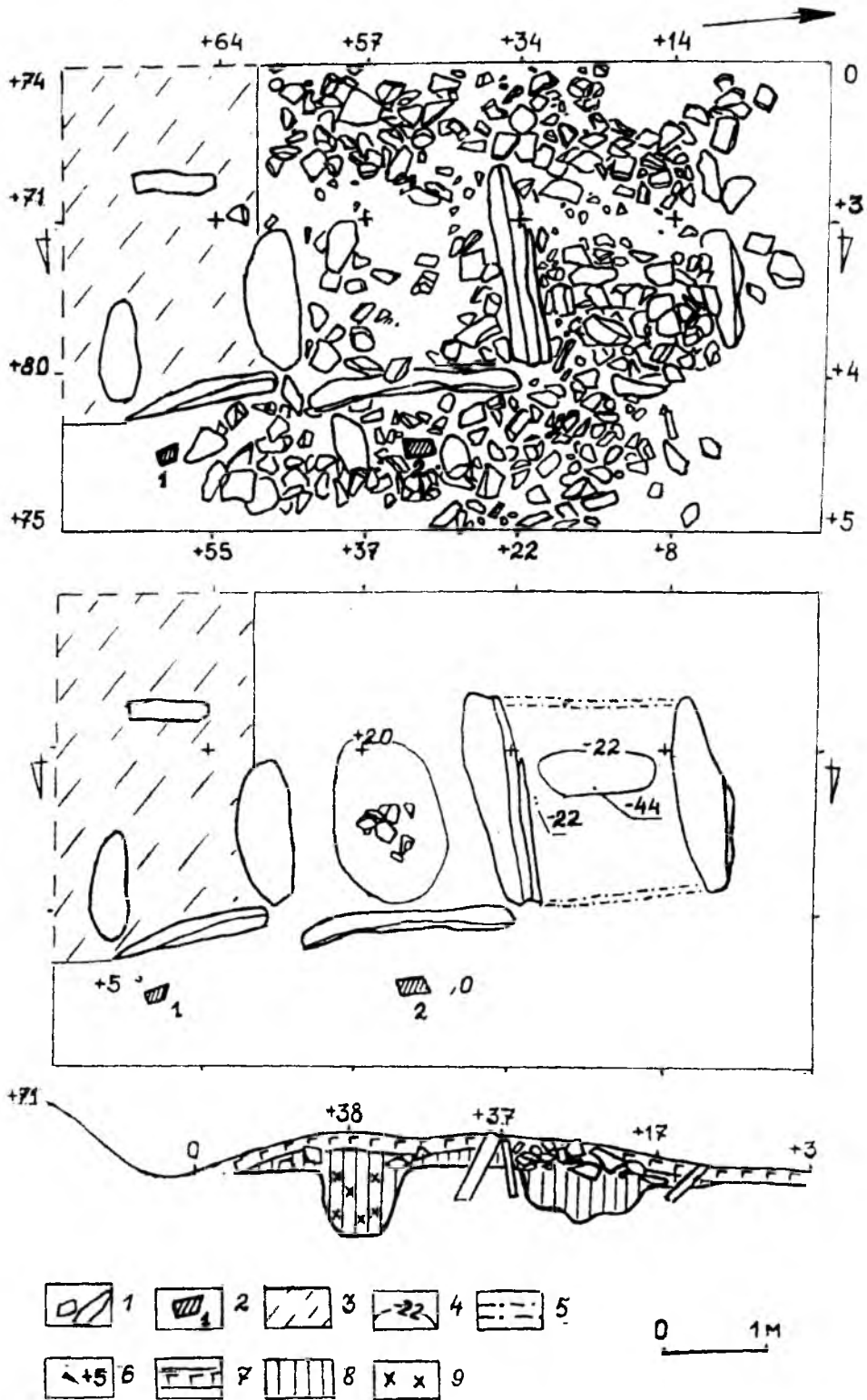

Рис. 1. Комплекс каракольских оградок с изваяниями. Планы и профиль раскопа. 1 - камни; 2 - изваяние; 3 - неохваченное раскопом пространство разрушенной оградки; 4 - яма; 6 - кость, кусочек сгнившей древесины; 7 - дерн; 8 - перемешанное желто-серое заполнение; 9 - зола. 5 - границы канавок под плиты.

гл. -22 см найдены мелкие фрагменты костей. На месте отсутствующих плит северной и южной стенок фиксировались следы канавок под плиты шириной 5-10 см.

Изваяние 1 (рис.2-1). Гранит. Размеры 1,4 x 0,3 x 0,23 м. Изображение мужчины с сосудом в правой руке и птицей. Верх головы грубо скруглен, правая сторона лица повреждена. Брови совмещены с брусковидным носом. Глаза крупные, миндалевидные. Овал правого глаза частично разрушен. К носу примыкают усы. Различим только левый – длинный, плавно изогнутый ус. Рот щелевидный со слегка выступающими краями. Подбородок заострен. Голова отграничена от торса незначительными выемками по сторонам от подбородка. Прямо под подбородком, на груди, выбита парящая птица. Тело птицы изображено анфас с расправленными крыльями и хвостом, голова повернута влево. Хвост располагается над устьем сосуда, зажатого в правой руке изваяния. Фигурные очертания руки напоминают выпуклости мышц, кисть не детализирована. Сосуд (предположительно, кубок на ножке) слит с рукой. Примерно в 20 см ниже руки с сосудом располагаются две выемки, сужающие в этом месте переднюю грань. Левая рука не показана. Обработке подверглась лишь лицевая поверхность изваяния, детали выполнены барельефом.

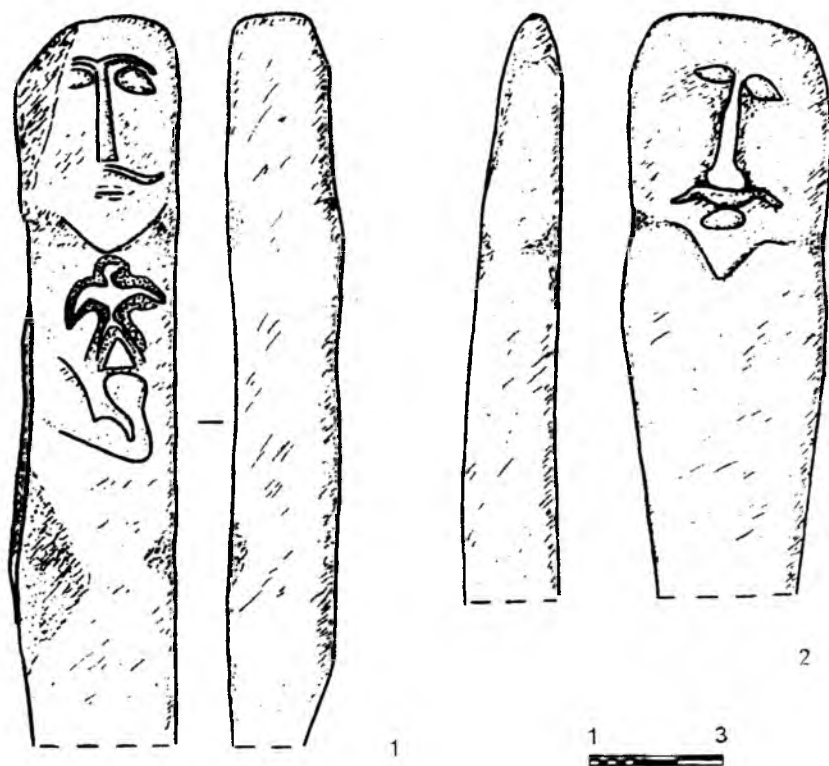

Рис. 2. Изваяния из комплекса каракольских оградок:
1- изваяние 1; 2- изваяние 2

Изваяние 2 (рис.2-2). Гранит. Размеры 1,12 x 0,4 x 0,18 м. Изображение мужской головы. Верх головы прямоугольный со скругленными углами. Надбровья совмещены с носом, у которого показаны крылья ноздрей. Глаза миндалевидные. К носу примыкают слабоизогнутые М-образные усы, под ними – рот в виде едва заметной овальной выпуклости. Лицо имело бы прямоугольную форму, если бы не выступающий углом острый подбородок. Голова выделена в монолите выемкой по нижним очертаниям лица и с боков. В фас монолит сужается книзу, в профиль – кверху. Изваяние обработано только в области лица. Все детали барельефны.

По классификации В.Д. Кубарева, разработанной на алтайском материале, каракольские оградки могут быть отнесены к яконурскому типу (VII-X вв.) (Кубарев, 1979, с.156). Что касается изваяний, то согласно предложенной нами классификации (Ермоленко, 1991, с.8-12), оба они принадлежат к группе древнетюркской скульптуры (VI/VII-VIII/IX вв.). Изваяние 1 – по признаку позы (сосуд в одной руке) и оба изваяния – по приемам изображения черт лица (ИЧЛ). Приемы ИЧЛ древнетюркского облика представляют собой сочетание следующих способов ваения деталей лица: слитный барельеф брови (надбровья)-нос, глаза в виде миндалевидных выпуклостей (большие или нормальной соразмерности), усы различной конфигурации над ртом; реалистично либо обобщенно трактованный нос. Древнетюркские изваяния воспроизводят идеализированный образ доблестного воина. Такие иконографические детали как совмещенный барельеф бровей и носа, преувеличенно большие глаза обнаруживают соответствия в описаниях облика эпического героя (Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985, с.145-146; Ермоленко, 1998, с.127). В частности, в портрете эпического богатыря иногда акцентируются «соединенные» (=сведенные на переносице, нахмуренные) брови (Липец, 1984, с.39; Маадай-Кара, 1973, с.269; Кобланды-батыр, 1975, с.336), огромные «как чашки», «как озера», «как кольца мундштучной узды» (Никифоров, 1915, с.75, 182; Манас, 1988, с.442; Нюргун..., 1947, с.103; Гер-оглы, 1983, с.593) глаза (=расширившиеся от гнева, выпученные).

Воинствующий богатырь в эпосе яростен и свиреп (Ермоленко, 1995). Подобный эпическому скульптурный образ, по всей видимости, создавался указанными и некоторыми другими изобразительными средствами. Показательны в этом плане атрибуты древнетюркских изваяний с обозначенной позой – сосуд и, не всегда изображавшееся, оружие (Ермоленко 1989, с.180-181). И не только потому, что деятельность эпического богатыря сводится, главным образом, к сражениям и пирам. Поскольку в эпосе битва уподоблялась пиру, вино - крови, то пиршественный сосуд с пьянящим напитком может быть осмыслен как «военно-пиршественная» метафора. Так чаша с вином («чаша службы», по Р.С. Липец) «скрепляет» клятву героя совершить подвиг; при этом напиток возбуждает боевой дух (Джангар, 1990, с.241). Недаром в надписи в честь Кюль-Тегина войско тюргешей сравнивается с огнем и вином (Малов, 1951, с.41, КТБ (37)). Древнетюркские надписи на некоторых драгоценных сосудах указывают на то, что владельцами последних были герои (Боровков, 1963, с.192, 193). И.Л. Кызласов предположил, что у древних тюрков, человек, обретший мужское имя получал также личный пиршественный сосуд (Кызласов, 1996, с.83). Но, возможно, герой не раз достаивался сосуда с вином. Известно, что хунну награждали доблестного мужа за убийство врага сосудом с пьянящим напитком (Бичурин, 1950, с.50). Скифские воины могли пить специально приготовленное

раз в году вино только в том случае, если им довелось убить врага. Геродот замечает: «А все те из них, кто *убил очень многих мужей, имеют по два килика и пьют из обоих* (выделено мной – Л.Е.)» (Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с.123 (66)). В перечисленных примерах чаша выступает символом доблести. Наконец, в тюркском эпосе встречается образное выражение «испить горькую чашу», в значении погибнуть в бою (Алтын-Арыг, 1988, с.410, 441; ср.: Липец, 1984, с.31). Следовательно, монументальная скульптура древних тюрков может быть предметом изучения в качестве, так называемого, изобразительного фольклора. С другой стороны, это обстоятельство имеет отношение к проблеме эпического в идеологии древних обществ, переживавших «героические» эпохи.

Изображение птицы на груди древнетюркского изваяния также может рассматриваться в связи с эпическим образом героя. Кобланды-батыр иногда выступает в сопровождении ястреба, сидящего у него на руке и бегущей за конем собаки (Кобланды-батыр, 1975, с.224-225). Такой «эскорт» героя, по-видимому, очень древен, так как встречается в сказках. В цитированном казахском эпосе сами богатыри, в некоторых случаях, сравниваются с (ловчим) белым соколом (там же, с.284, 362). Вообще в эпическом восприятии образ 'войны' переплетается с образом 'охоты'.

В киргизском эпосе «Манас» спутником главного героя в битвах бывает грозная птица Алпкаракуш (Манас, 1988, с.475, 517) – также сказочный персонаж. Манас уподобляется этой птице (там же, с.512). Эпическая Алпкаракуш может быть сопоставима с фарном (ср.: о Манасе говорится, что он «с птицей счастья на голове». Там же, с.460), но, с другой стороны, аналогию ей, по-видимому, представляет орнитоморфное воплощение духа кровожадности илбиса в якутских олонхо (Строптивый... 1985, с.364; ср.: в олонхо герой может превращаться в *Абааны алып кыла* – «Алып-птицу абаасы». Там же, с.363).

Вместе с тем изображение птицы на данном изваянии может служить прекрасной иллюстрацией к тем древнетюркским текстам, в которых об умершем сказано, что он 'улетел' (*uça bar-*). Кроме того, Хегаард предлагает переводить встречающееся в древнетюркских надписях другое фигуративное выражение для обозначения смерти *kärgäk boł* как 'стал птицей' (Hegaard, 1976).

В заключение следует отметить, что каракольский памятник не только демонстрирует факт сосуществования изваяний с обозначенной позой и погрудных фигур, но также свидетельствует об одновременном бытовании изваяний с птицей и статуей «обычной» иконографии, поскольку те и другие встречены в одном комплексе древнетюркских оградок.

Однако только часть известных изваяний с птицей характеризуются иконографией древнетюркского облика, тогда как остальные – иконографией кыпчакского облика. Кстати, три изваяния кыпчакского облика с птицей найдены в «кыпчакском святилище» вместе с «обычным» изваянием кыпчакской группы (Байбосынов 1996, с.111; К. Байбосынов считает, что эти изваяния созданы в карлукский период – VIII-XI вв.).

Немногочисленность изваяний с птицей, ограниченный ареал и, наконец, принадлежность к разным иконографическим группам, вероятно, свидетельствуют о кратковременном их бытовании в период смены древнетюркской скульптуры изваяниями кыпчакской традиции (сер. IX в.?).

Литература

1. Байбосынов К. Каменные изваяния Жамбылской области: Алматы, 1996.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950.
3. Боровков А.К. Енисейские надписи на сосудах // Тюркологические исследования. М.-Л., 1963. С. 190-196.
4. Гёр-оглы. Туркменский героический эпос. М., 1983.
5. Джангар. Калмыцкий героический эпос. М., 1990.
6. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982.
7. Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири (сборник научных трудов). Новосибирск, 1985. С. 137-161.
8. Ермоленко Л.Н. О реалиях древнетюркских изваяний // Маргулановские чтения (Сборник материалов конференции). Алма-Ата, 1989. С. 179-181.
9. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния Казахских степей. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1991.
10. Ермоленко Л.Н. Об изваяниях с птицей // Востоковедение в Башкортостане: история, культура. «Первые Валидовские чтения» (тез. докладов). Ч. II. Уфа, 1992. С. 94-96.
11. Ермоленко Л.Н. О духе кровожадности древних (на материалах эпоса тюркоязычных народов) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V. Кн. 2. 1995. С. 22-29.
12. Ермоленко Л.Н. «Брови его соединены...» (семантика художественного приема по археологическим и фольклорным источникам) // Словцовские чтения-98. Материалы к научно-практической конференции. Тюмень, 1998. С. 126-128.
13. Кобланды-батыр. Казахский героический эпос. М., 1975.
14. Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135-160.
15. Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // РА. 1996. №3. С. 73-89.
16. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1974.
17. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973.
18. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.
19. Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 2. М., 1988.
20. Модоров Н.С. Каменные изваяния и наскальные рисунки Горного Алтая // Археология и краеведение Алтая (тезисы докладов к конференции). Барнаул, 1972. С. 47-48.
21. Никифоров Н. Я. Аносский сборник // ЗЗСОИРГО. Кн. 37. Омск, 1915.
22. Нюргун Боотур Стремительный. Якутск, 1947.
23. Строптивый Кулун Куллустуур. Якутское олонхо. М., 1985.
24. Чариков А.А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане // СА. 1989. №3. С. 184-192.
25. Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1966.
26. Hegaard, Steven E., 1976. Some Expressions Pertaining to Death in the Kōk-Turkic Inscriptions // UAI, 48. Pp. 89-115.